

⁷ См.: Гиндин И. Ф. Русская буржуазия в период капитализма. Ее развитие и особенности//История СССР. 1963. № 2. С. 47, 63.

⁸ См.: Петров Ю. А. Документы о личных состояниях крупных московских капиталистов конца XIX — начала XX в. //Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992.

⁹ Устав Московской биржи. М., 1870.

¹⁰ Рябушинский В. П. Купечество московское//Былое. 1991. № 1.

¹¹ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 69.

¹² ЦИАМ, ф. 179, оп. 21, д. 2361, л. 11 —15; Иванова Л. В. «Издатель и писатель по старой Москве». Николай Андреевич Найденов. 1834—1905//Краеведы Москвы (историки и знатоки Москвы). М., 1995.

¹³ Цит. по: Рейхардт В. Партийные группировки и «представительство интересов» крупного капитала в 1905—1906 гг. //Красная летопись. 1930. № 6 (39). С. 15—16. ¹⁴ ГА РФ, ф. 102, ДП ОО, 1905 г., П отд., д. 999, ч. 44, л. 44.

¹⁵ Иванович В. Российские партии, союзы и лиги: Сборник программ, уставов и справочных сведений. СПб., 1906. С. 75—77.

¹⁶ Там же. С. 25—28.

¹⁷ См.: Петров Ю. А. П. П. Рябушинский//Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991. С. 124.

¹⁸ См.: Петров Ю. А. А. И. Коновалов//Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 258.

¹⁹ Цит. по: Петров Ю. А. П. П. Рябушинский. С. 152.

²⁰ Рябушинский В. П. Судьба русского хозяина//Русский колокол. Берлин. 1928. № 3. С. 53.

МОСКВА РЕВОЛЮЦИОННАЯ

Декабрь 1905-го года: репетиция гражданской войны

С началом XX в. на смену размеренной, относительно стабильной эпохи в истории России пришел период социальных катаклизмов. За первые 17 лет нового столетия Россия пережила две войны (и обе неудачные) и три революции. Модернизация российского общества протекала не просто, переход от прежнего, патриархального уклада к новому, индустриальному сопровождался обострением старых и появлением новых социальных противоречий. Первая российская революция 1905—1907 гг. обнажила скрытые, глубинные конфликты и поставила страну перед угрозой гражданской войны. Своего пика революционные события достигли в декабре 1905 г. в Москве, вылившись в вооруженную борьбу на улицах древнего города.

Катастрофа «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. в Петербурге всколыхнула всю Россию, с особенной болью отразившись в ее историческом сердце. В Москве забастовало более 50 тыс. рабочих, или треть всех фабрично-заводских пролетариев столицы; в их среде под влиянием демократической интеллигенции все большей популярностью пользовался лозунг «Долой самодержавие!» Прямым ответом на кровавое побоище стал террористический акт эсера Ивана Каляева, в феврале 1905 г. взорвавшего в Кремле экипаж московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Взрыв эсеровской бомбы оказался столь силен, что тело дяди царя было буквально разорвано на куски. В Москве по поводу гибели нелюбимого администратора ходила злая шутка: «В первый раз великому князю пришлось раскинуть мозгами». Она отразила атмосферу той эпохи, когда ненависть становилась доминантой общественных настроений.

Священник Сергей Фудель так описывал умонастроения предреволюционной поры: «Ужас положения растет с каждым днем. Я говорю не о политическом положении страны, не о торжестве той или иной партии и даже не о голоде и нищете, неминуемо грозящих населению. Как пастор церкви я вижу ужас положения в том душевном настроении, которое постепенно овладевает всеми без исключения. Это настроение есть ненависть. Вся атмосфера насыщена ею. Она

растет с каждым часом: у одних — к существующим порядкам, у других — к забастовщикам; одна часть населения проникается ненавистью к другой...»¹.

По мере развития событий становилось очевидным, что дело идет к всеобщему вооруженному выступлению рабочих, инспирируемых леворадикальными партиями, взявшими курс на насильственное свержение существовавшего режима. Уже в мае 1905 г. в Москве была основана Боевая организация большевиков, занимавшаяся приобретением оружия, формированием отрядов-дружин, изучением тактики уличных боев. Готовились к предстоящему восстанию также меньшевики и эсеры. В Москве был открыт сбор пожертвований на оружие, и в числе главных жертвователей оказались Максим Горький, внесший 15 тыс. руб., «красный фабрикант» Савва Морозов (20 тыс.), владелец мебельной фабрики и социал-демократ по убеждениям Н. П. Шмит (15 тыс.). Красноречиво звучали и заглавия нелегально издаваемых брошюр: «Технология взрывчатых веществ», «Тактика уличного боя» и т. п. Идея революционного насилия завоевывала все больше сторонников и среди учащейся молодежи. Московский университет стал главной политической трибуной приверженцев вооруженного выступления, а Высшее техническое училище и Реальное училище Фидлера превратились в штаб-квартиры технической подготовки восстания².

С другой стороны, набирала силу и партия «черной сотни», объединившаяся вокруг газеты «Московские ведомости». В марте 1905 г. ее главный редактор барон Грингмут, происходивший из остзейских немцев, призвал «всех истинно русских людей» выступить на борьбу с революционной крамолой, поддержав монарха и существующий государственный порядок. На стороне национально-консервативного движения выступила значительная масса рабочих, не разделявших революционные идеалы. Противостояние «красной», как называли ее современники, и «черной» сотни стало лейтмотивом противоборства в Москве.

Своего пика стачечная атака революционно настроенных рабочих на правительство достигла осенью 1905 г. К 10 октября забастовали железнодорожники всех магистралей, идущих от Москвы; в течение последующей недели к ним присоединились рабочие промышленных предприятий, служащие Центрального телеграфа. К 14 октября в городе закрылись магазины и рестораны, перестали подавать воду через городской водопровод, остановились электрические станции, бездействовали телефон и городской транспорт, закрылись биржа и банки, аптеки и театры и даже окружной суд. Жизнь Москвы оказалась полностью парализованной.

Манифест «Об усовершенствовании государственного устройства», подписанный Николаем II 17 октября 1905 г., послужил водоразделом революции: самодержавие пошло на явную уступку, вполне отвечавшую чаяниям либеральной общественности. Манифест возвещал «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», созыв законодательной Думы и расширение круга избирателей. Декларируя основы конституционной модели правления, император вместе с тем настаивал на прекращении революционной анархии: «Повелеваю подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилия...»³.

Однако сбить волну вооруженного экстремизма не удалось. О царившей в Москве атмосфере после объявления манифеста метко отозвался современник, так описавший обстановку на митинге в здании Московской консерватории 18 октября: «В вестибюле уже шел денежный сбор под плакатом «На вооруженное восстание». На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом»⁴. В тот же день черносотенцами был убит один из руководителей большевистской организации в Москве — Н. Э. Бауман.

После объявления манифеста по Москве прокатилась волна «патриотических» демонстраций с участием тысяч представителей социальных низов, рабочих, ремесленников, приказчиков, мясников-охотнорядцев и др. С хоругвями и иконами, с царскими портретами и пением «Боже, царя храни» манифестанты призывали

встречных присоединяться к шествию. Несогласных снимать шапку и исполнять царский гимн, особенно из студенческой среды или вообще людей «интеллигентной» внешности избивали, а открыто выражавших свои революционные симпатии, подобно Бауману, забивали до смерти.

Похороны Баумана 20 октября превратились в грандиозную демонстрацию революционных сил. Десятки тысяч человек шли в траурной процессии за гробом, который охраняла боевая дружина. В последующие дни, 21—22 октября, город фактически оказался во власти «черной сотни», «хоругвеносцы» терроризировали население и даже предприняли нападение на аудиторию университета, где находились раненные в стычке с казаками студенты.

Всеобщая стачка по решению социал-демократических организаций 22 октября была прекращена, но движение за вооруженное восстание приобретало все новых сторонников, тем более что в тот же день был опубликован указ об амнистии за политические преступления, благодаря которому в революционную армию влились значительные силы. Поляризация общества, выделение крайних радикальных течений, как правых, так и левых, являлись характерной приметой московской жизни. К концу 1905 г. в городе насчитывалось около 5 тыс. членов социал-демократической партии (большевиков и меньшевиков), а также 1, 5—3 тыс. эсеров, которым противостояли около 12 тыс. членов правых и черносотенных организаций и примыкавших к ним. Довольно многочисленной была и либерально-центристская группировка в лице московских кадетов (8, 5 тыс. человек) и октябристов (10 тыс.), однако у социальных низов их либеральные лозунги поддержки не находили⁵.

Под воздействием агитации левореволюционных партий идея насильственного свержения монархии овладевала все большим числом московских рабочих. В ноябре стал регулярно собираться Московский Совет рабочих депутатов как антитеза официальной власти. Смыслом его деятельности стал призыв к пролетариату города «с удвоенной энергией организовать и готовиться к решительному выступлению, которое должно сопровождаться всенародным вооруженным восстанием...»⁶. Толчком к нему послужил арест 3 декабря Петербурге кого Совета рабочих депутатов во главе с Л. Д. Троцким. Первого председателя Совета Г. С. Хрусталева арестовали ранее, 26 ноября. Акция эта явилась ответом властей на публикацию в прессе так называемого «Финансового манифеста» Петербургского Совета Всероссийского крестьянского союза и революционных партий. Манифест был, по сути, прямым вызовом правительству, имея целью вызвать государственное банкротство и крушение системы денежного обращения. Население призывалось не платить податей казне, требовать выдачи заработной платы не бумажными деньгами, а золотой монетой; изымать вклады из государственных сберегательных касс, требуя выдачи золотом же, и т. п. Под манифестом стояла и подпись Московского Совета⁷.

На заседании его исполкома 14 декабря в ответ на арест питерских товарищей было решено, что «московскому пролетариату нужно быть готовым к активному выступлению». Еще за несколько дней до объявления всеобщей забастовки на митингах и районных собраниях Совета все громче раздавались голоса о вооруженном противоборстве с режимом. При этом решение о начале восстаний принимали не высшие партийные органы социал-демократов или эсеров, а сами рабочие. Непосредственное руководство борьбой, по постановлению исполкома Моссовета, принадлежало районным советам «ввиду трудности поддерживать связь с центральным органом»⁸.

Революционное брожение нарастало и в частях Московского гарнизона, что давало рабочим надежду на поддержку восставших армией. В первых числах декабря солдатские митинги происходили в расквартированных в Москве Перновском, Несвижском и Ростовском полках. Солдаты требовали сменить полковых командиров, отличавшихся жестоким обращением с нижними чинами, допускать в казармы газеты, улучшить довольствие и т. п. 3 декабря дело дошло до открытого выступления Ростовского полка. Лишь с помощью арестов зачинщиков и

обещаний улучшить положение солдат командованию удалось загнать «ростовцев» в казармы, окружив их верными правительству драгунами. Переход частей гарнизона на сторону революционеров удалось, таким образом, предотвратить, но обстановка здесь продолжала оставаться взрывоопасной.

7 декабря вышел первый номер «Известий Московского Совета рабочих депутатов» — единственного в тот момент печатного органа в городе, поскольку другие газеты из-за стачки не выходили. На первой странице «Известий» было помещено заявление: «Московский Совет рабочих депутатов, Комитет (большевики) и Группа (меньшевики) Российской социал-демократической рабочей партии и Комитет партии социалистов-революционеров постановили: объявить в Москве со среды, 7 декабря, с 12 часов дня всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание». Рубикон был перейден — революционные партии официально объявили войну правительству.

Ситуация в целом благоприятствовала успеху повстанцев, так как московские власти были явно дезорганизованы и не готовы к серьезному сопротивлению. Еще в конце ноября председатель Совета министров С. Ю. Витте докладывал Николаю II: «В Москве полная анархия власти. Крайне важно скорейшее прибытие нового генерал-губернатора» (им был назначен генерал-адъютант Ф. В. Дубасов)⁹. Чувствуя бессилие перед революционной стихией, подал в отставку и московский градоначальник Г. П. Медем, но Николай II, чтобы не оставить московскую полицию без руководства в критический момент, это ходатайство не удовлетворил.

В Москве забастовало более 150 тыс. рабочих, вновь, как и в октябре, остановились поезда, перестали выходить газеты...

Первые два дня стачка развивалась мирно — войска и полиция оружия не применяли. Однако вечером 8 декабря ими был окружен театр «Аквариум», где проходил революционный митинг, многие из участников которого были арестованы.

На следующий день уличные стычки разгорелись в полную силу. Утром 9 декабря произошло столкновение у Страстного монастыря, где боевая дружина, вооруженная револьверами и бомбами-«македонками», завязала перестрелку с группой черносотенцев и пришедшими к тем на помощь драгунами. Вечером на том же месте драгуны залпами в упор расстреляли группу митингующих рабочих. «Есть убитые и раненые, — сообщал петербургскому знакомому находившийся в Москве М. Горький, — сколько? — неизвестно. Но, видимо, много. Вся площадь залита кровью, пожарные смывают ее»¹⁰. В тот же день артиллерия обстреляла здание реального училища Фидлера, где проходило собрание дружинников-боевиков, причем несколько человек было убито с обеих сторон. Полиции при поддержке воинских частей удалось задержать часть собравшихся на улице, они подверглись нападению драгун; большинству же удалось скрыться с места событий.

Однако для предотвращения вооруженных выступлений сил у московских властей было явно недостаточно. По свидетельству прибывшего в Москву Дубасова, лишь треть Московского гарнизона была вполне надежна, а две трети — сильно затронуты революционной пропагандой. Фактически власти могли положиться лишь примерно на 2 тыс. солдат гарнизона. Полиция же проявила полную беспомощность в столкновениях с вооруженными боевиками, и в первые же дни восстания множество городских были разоружены. Чтоб избежать подобной участи, полицейские переодевались в штатское платье. Правда, полиции удалось арестовать почти всех членов Московского комитета большевиков. По мере разрастания восстания ослабла и связь Московского Совета с районами, движение оказалось разрозненным и руководилось фактически районными советами.

К 10 декабря восстание стало свершившимся фактом. Баррикадами, воздвигнутыми стихийно, без санкции революционных партий или Совета рабочих депутатов, покрылись Пресня, Замоскворечье, Бутырки, Миусы, Лефортово, Симоновка, Сокольники. Первая баррикада была построена в ночь на 10

декабря на углу Тверской и Садовой улиц. В последующие дни они строились по всей линии Садовой, а от нее радиусами от окраин к центру по всей Москве. Основанием баррикады служили поваленные телеграфные столбы, сверху на них валили все, что попадалось под руку: бочки, ворота, доски, даже вагоны конки и трамвая. Строились уличные заграждения не столько членами боевых дружин, сколько простыми жителями города — обыватель защищался с их помощью от тех самых войск, которые якобы защищали его от революционеров, а на деле били и расстреливали всех подряд, не разбирая правого и виноватого. Поэтому особенно в первые дни восстания население Москвы было настроено по отношению к революционерам скорее сочувственно, в них видели даже защиту от произвола власти официальной.

Войскам и полиции на улицах города противостояло около 2 тыс. вооруженных револьверами и плохо обученных дружинников, еще около 6 тыс. безоружных рабочих и студентов активно участвовало в боевых действиях¹¹. Наиболее организованными и дееспособными являлись дружины большевиков (250—300 человек), меньшевиков (около 250 человек) и особенно эсеров (250—300 человек), лучше других вооруженных и подготовленных к уличным боям. Помимо них действовали дружины «университетская», «типографская», «железнодорожная» и даже «кавказская», сформированная из студентов и боевиков с Кавказа. Единого руководящего центра дружин фактически не было, несмотря на существование с октября 1905 г. Коалиционного совета дружин.

В первый момент, таким образом, численный перевес сил был явно на стороне восставших. Под их контролем оказалась часть города за пределами Садового кольца, тогда как царская администрация удерживала за собой центральный район. «Мы начнем с окраин, — говорилось в одном документе Боевой организации московских большевиков, — будем захватывать одну часть города за другой»¹². Тактика эта не являлась секретом и для правительства. «Путем баррикад они хотят разъединить город на отдельные кварталы, — доносил министр внутренних дел П. Н. Дурново главе кабинета Витте, — и, препятствуя таким образом доступу войск в отдельные районы, захватить постепенно город»¹³. То была война хитин против дворцов, наступление рабочих окраин против благополучного центра. План восставших заключался в том, чтобы отрезать центр и, суживая кольцо баррикад, стиснуть официальную власть, принудив ее к капитуляции.

Собственных сил, чтобы помешать этим замыслам, у московских властей не хватало. «Положение становится очень серьезным, — телеграфировал Дубасов в Петербург 12 декабря, — кольцо баррикад охватывает город все теснее; войск становится явно недостаточно. Совершенно необходимо прислать из Петербурга хоть временно бригаду пехоты». Не рискуя оставить войска в казармах, где они подвергались усиленной пропагандистской обработке со стороны революционеров, Дубасов распорядился стянуть полки в центр города, разместив их в Кремле, в Манеже и даже под открытым небом на Театральной площади¹⁴.

Борьбу с дружинниками осложняла и применяемая теми партизанская тактика. Представление о ней дает упомянутый документ большевистской Боевой организации под названием «Советы восставшим рабочим», опубликованный 11 декабря в «Известиях Московского Совета рабочих депутатов». Дружинникам рекомендовалось не действовать толпой, разбиваясь на летучие отряды из 3—4 человек, которые могли бы быстро скрыться после нападения на отряды полиции и солдат. Боевики не должны были занимать укрепленных позиций, которые легко разрушить артиллерией, не скапливаться на митингах, уметь исчезать через проходные дворы и т. п. Документ этот отражает и настроение крайнего ожесточения, владевшее руководителями московских боевиков. Членам дружины предлагалось по возможности не трогать солдат, чтобы привлечь их на свою сторону, но в отношении остальных противников приговор был один: офицеров «безусловно убивайте», «казаков уничтожайте без пощады», высших полицейских чинов «при всяком удобном случае убивайте» (городовых рекомендовалось просто разоружать).

Даже дворникам, не исполнившим приказ дружинников не запирают ворота, грозила та же кара: «если кто не слушает, в первый раз побейте, а во второй — убейте». Полное пренебрежение к человеческой жизни, свойственное психологии гражданской войны, доносит до нас этот своеобразный памятник эпохи, в котором убийства оправдывались высокой целью построения будущего счастливого общества. «Мы докажем, — заключали авторы обращения к рабочим, — что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильнее, жизнь, свобода и права каждого будут ограждены более, чем теперь»¹⁵.

На улицах Москвы между тем разгоралась настоящая битва революционеров с защитниками существующего строя. М. Горький в очередном письме в Петербург так описывал московские события: «Сейчас получил сведения: у Николаевского вокзала площадь усеяна трупами, там действуют 5 пушек, 2 пулемета, но рабочие дружины все же ухитряются наносить войскам урон. По всем сведениям, дружины терпят мало — больше зеваки, любопытные, которых десятки тысяч. Все сразу как-то привыкли к выстрелам, ранам, трупам. Чуть начинается перестрелка — тотчас же отовсюду валит публика, беззаботно, весело. Бросают в драгун, чем попало, все, кому не лень... Вообще — идет бой по всей Москве. В окнах стекла гудят»¹⁶.

«Линией фронта», как уже отмечалось, в первые дни служило Садовое кольцо, затем бои локализовались в западной части города, в районе Пресни. Упорные сражения происходили и в Замоскворечье, где отличались рабочие сытинской типографии. Напуганные боевиками, войска действовали с особым ожесточением. «Идешь, а у тебя все кишки переворачиваются, — вспоминал один из участников декабрьских боев на стороне правительства, — так и смотришь: окон много, а из которого в тебя пальнут — не знаешь... Другой раз покажется — и скомандуешь стрелять и lupишь в дом, а там, может, и ни одного дружинника-то нет... На войне ничего подобного люди не испытывают»¹⁷.

В этой уличной, гражданской по сути войне жестокость враждующих сторон действительно достигла предела. Не имея возможности распознать дружинников среди мирных обывателей, солдаты готовы были иной раз стрелять просто в толпу, несмотря на то, что там находились женщины и дети. Во время декабрьских событий было отмечено несколько случаев самоубийств офицеров, причем офицеров боевых, вернувшихся из Маньчжурии, — они не в силах были выдержать кошмара уличных боев в Москве¹⁸. Были и иные ретивые командиры, которые подпаивали солдат водкой, пугали жестокостью боевиков, якобы выкалывающих пленным глаза. Нередки в этой истерической обстановке пьяной вседозволенности были случаи, когда солдатские патрули упражнялись в стрельбе по прохожим или стреляли в спину обыванным и как будто отпущенным мирным гражданам. Практиковался и такой невиданный доселе в России способ «успокоения», как стрельба шрапнелью по уличной толпе. Улицы в Москве после таких залпов в буквальном смысле оказывались залитыми потоками крови. С наступлением темноты город словно вымирал, многие москвичи предпочитали не выходить из домов и даже спали одетыми на случай, если придется срочно покидать жилище при обстреле дома войсками.

Не меньший страх властям внушали действия «красной сотни», осуществлявшей террор на улицах, в особенности в отношении полиции, казаков и драгун. Лишь один такого рода пример: 12 декабря возле Горбатого моста на Пресне вооруженными дружинниками был задержан околоточный надзиратель Сахаров, труп которого спустя двое суток выловили в Москве-реке. На теле полицейского судебные эксперты насчитали 19 огнестрельных ран — по всей видимости, околоточного расстреливали все члены дружины. Подобным же образом был сначала задержан, а потом убит начальник московской сыскной полиции (уголовного розыска, по современной терминологии) Войлошников, в которого стреляли 11 раз. После задержания его сначала привели на Прохоровскую мануфактуру, где по настоянию одного из большевистских лидеров восстания Литвина (Седого) приговорили к смертной казни, несмотря на протесты со стороны меньшевиков. Боевики

явно перепутали сыщика с жандармом. Дав проститься с родными, Войлошникова расстреляли тут же, во дворе Трехгорки¹⁹.

Восставшие контролировали все железнодорожные линии, кроме связывавшей Москву с Петербургом. Именно по этой дороге в мятежную Москву были переброшены Семеновский и Ладожский полки, прибытие которых 15—16 декабря перевесило чашу весов в пользу правительства. В канун их переброски, 13 декабря, город, по свидетельству очевидца, представлял ужасающую картину: «Канонада не смолкает. Грохочут пушки, трещат пулеметы, в воздухе свистит шрапнель. Бой еще в полном разгаре. В бою пали уже сотни, а может быть и тысячи жертв, по всем улицам валяются трупы, переполнены все мертвецкие и больницы... Быстро редющие ряды революционеров, расстреливаемых буквально, как птицы, ежеминутно пополняются новыми и новыми силами. Боевая дружина превратилась в какую-то многоголовую гидру: вместо каждой отрубленной головы у нее вырастают две новые. Четыре дня уже по всем центральным улицам идет почти беспрерывная ожесточенная резня, каждый час выбрасываются сотни жертв; однако сейчас у революции под руками едва ли не больше народа, чем было четыре дня назад. Замечательное мужество обнаруживают, между прочим, женщины. Простые женщины — жены рабочих — работают на баррикадах наравне с мужчинами. Они неутомимы; они тоже подпиливают деревья, сокрушают телеграфные столбы, громят киоски, разбивают коночные вагоны, строят баррикады, заграждения, защищают их и стоят против пушек и пулеметов. Канонада гремит по всей центральной части города»²⁰.

Получив подкрепление из Петербурга, Дубасов перешел в решительное наступление. «Семеновцам» и «ладожцам» удалось расчлнить восставших и поодиночке загасить очаги вооруженного сопротивления. В ходе боев была уничтожена подожженная драгунами типография И. Д. Сытина, в которой печатались «Известия Московского Совета рабочих депутатов». Дольше других держалась Пресня, фабричный район вокруг знаменитой Прохоровской Трехгорной мануфактуры, где концентрировались главные силы московских дружинников. Взаимное ожесточение в бою и масштаб разрушений превзошли здесь все уже пережитое Москвой. Войска применяли массированные артиллерийские удары, чтобы «выкурить» дружинников из занимаемых теми зданий. Жаркий бой разгорелся при штурме баррикад, перекрывавших войскам путь к Пресне. Нередко в рукопашной схватке револьвер дружинника встречался с солдатским штыком.

При штурме Пресни было сожжено несколько зданий, в том числе мебельная фабрика Н. П. Шмита, хозяин которой организовал на своем предприятии многочисленную дружину. Шмит был в те дни арестован, а впоследствии убит полицейскими в тюрьме. Сильно пострадала и Трехгорная мануфактура, владелец которой Н. И. Прохоров заявил, что не сочувствует действиям своих рабочих, но все же не покинет их в драматический момент. «Против фабрик Прохорова и Шмита, — доносили градоначальнику, — действует артиллерия. Обстреливают владение, потом продвигают часть цепью. Из окон масса выстрелов, нельзя ничего понять, приходится по одному обстреливать дома»²¹. К вечеру 17 декабря Пресня была занята войсками. Командир Семеновского полка Г. А. Мин жестоко расправился с «бунтовщиками». На месте были расстреляны несколько задержанных с оружием в руках или просто по подозрению в участии в бою на стороне дружинников.

Обстановку террора, воцарившуюся с победой правительственных войск, характеризует такой эпизод: сторож прохоровской фабрики донес Мину, что зачинщиком беспорядков у них был некий Иван Афанасьев. Мин публично объявил денежное вознаграждение в 500 рублей тому, кто укажет того среди задержанных. Доброволец такой отыскался, и Афанасьев был убит тут же во дворе фабрики, а верноподданный доносчик получил обещанную награду²². Многим участникам декабрьских боев удалось тем не менее вовремя скрыться с Пресни и спасти свою жизнь. Еще до трагической развязки состоялось заседание штаба восстания, на котором было принято решение прекратить вооруженную

борьбу. «Мятеж кончается, — сообщал по этому поводу Дубасов, — волею мятежников, а к истреблению последних упущен случай».

Погибших участников восстания и просто случайных жертв тем не менее оказалось немало — только число официально зарегистрированных смертей составило 1100 человек, из них 66 детей, в то время как полиция и войска потеряли убитыми менее ста человек²³. Во вновь начавших выходить газетах появились экстренные сообщения с пресненского фронта: «Баррикады расчищены, проходские революционеры сдаются партия за партией... Горсть отчаянных революционеров, засев в подвалах, продолжает оказывать сопротивление, хотя революционный комитет распорядился о прекращении стрельбы... Фабричные постройки окружены войсками, прохожих обыскивают. Число потерпевших пока не определено. Находят обгоревшие трупы у стен»²⁴. Над зданием взятой штурмом «Трехгорки», как над завоеванной крепостью, были водружены белый и национальный трехцветный флаги. На улицах и предприятиях Москвы полиция проводила массовые облавы и обыски. По самому малейшему поводу («за подозрительно длинные волосы», «за красный платок в кармане») студентов и мастеров тащили в полицейский участок, где избивали и расстреливали²⁵.

В результате декабрьских боев городу и его обитателям был нанесен громадный ущерб. Специально образованная при канцелярии генерал-губернатора комиссия занималась приемом прошений «о возмещении понесенных во время мятежа убытков». Сохранившийся в архиве отчет этой комиссии дает далеко не полное представление о той цене, что заплатили москвичи в декабре 1905 г. По заявлениям домовладельцев, ущерб от действий артиллерии и возникших вследствие этого пожаров исчислялся в 2, 5 млн. руб. В числе прочих соответствующее прошение подали и Н. П. Шмит, находившийся под арестом, а также хозяин сгоревшей типографии И. Д. Сытин. Им, однако, в компенсации отказали из-за «потворства» мятежникам (Сытину инкриминировалось, что в его типографии с молчаливого согласия владельца печатались «Известия Московского Совета рабочих депутатов»).

Владельцы торгово-промышленных заведений заявили убытки от действий войск в размере 734 тыс. руб. Ущерб государственных и общественных учреждений исчислялся в 65 тыс. руб. Среди прочих в особенности пострадал находившийся близ Пресни московский Зоологический сад, где в декабрьские дни артиллерией были разгромлены ихтиологическая лаборатория и аквариум. Наконец, частные лица просили возместить утраченное движимое имущество на сумму 40 тыс. руб. Всего, таким образом, «умиротворение» Москвы только от действий правительственных войск обошлось в 3, 3 млн. руб. Сумму эту следует по меньшей мере удвоить, если принять во внимание убыток, причиненный городскому хозяйству действиями революционных дружин (массовый снос телеграфных столбов для строительства баррикад, использование в тех же целях вагонов городской конной железной дороги и т. п.). Правительством, однако, было выделено всего около 100 тыс. руб., которые пошли на благотворительную помощь семьям погибших при подавлении восстания полицейских и армейских чинов. Всем же остальным заявителям компенсация за ущерб вообще не была выплачена²⁶.

Декабрьские бои в Москве поставили всю Россию перед бездной гражданской войны, и революция, о которой мечтало не одно поколение демократической интеллигенции, обернулась таким насилием и кровью, что ее адепты в конце концов остались в общественной изоляции. В разгар вооруженного восстания центристско-либеральные партии выступили с единодушным протестом против разрушительной деятельности революционеров, обвинив их во «лжи и обмане народа» и в подготовке «убийств, грабежей и пожаров по всей России».

Наиболее умеренная часть социал-демократов в лице меньшевиков и их лидера Г. В. Плеханова полагала, что декабрьское восстание, не поддержанное армией, изначально было обречено на неудачу, и потому его следует признать «исторической ошибкой»²⁷. Большевики же устами В. И. Ленина главной причиной провала восстания называли недостаточную решимость восставших и неумение довести

начатое дело до победы... Захватившая российское общество бунтарская волна, достигнув апогея в Москве, отхлынула, чтобы вновь вернуться через двенадцать лет, когда под ее напором рухнула российская монархия.

Февраль 1917-го: «дни свободы»

Если в 1905 г. Москве суждено было стать эпицентром революционного движения в стране, то главные события второй русской революции произошли в северной столице, Петрограде. «От дней войны, от дней свободы кровавый отсвет в лицах есть», — сказал об этом времени Александр Блок. Впрочем, как в Петрограде, так и в Москве Февральская революция победила без сильного кровопролития — свидетельство как слабости абсолютистского режима, так и стихийной мощи массового антиправительственного движения, многократно усиленного бедствиями Первой мировой войны.

Современник февральско-мартовских событий мог наблюдать картину, в корне отличную от памятных дней 1905 г.: «По-прежнему развеваются красные флаги и красные банты... Но войска не расстреливают уже полевыми орудиями Пресню, уже не трещат пулеметы: солдат и рабочий, студент и офицер — они вместе на улице...»²⁸.

Между тем еще за неделю до 2(15) марта, когда Николай II подписал акт об отречении от престола, никто в России и предположить не мог, что страна стоит на пороге революции, хотя атмосфера в обществе все более наэлектризовывалась. «За последние месяцы перед революцией, — вспоминал видный деятель Московской городской думы кадет Н. М. Кишкин, — все чувствовали, что так жить нельзя, что над всеми нами висит что-то, что должно разразиться... Как это произойдет, — никто не знал, но ощущение необходимости большой сплоченности было в Москве все время». Ему вторил в своих мемуарах и московский большевик Б. Волин, заметивший, что «для многих это событие оказалось неожиданным. Казалось, что никакой предварительной подготовки не было, что не было никаких серьезных организаций у рабочего класса»²⁹. Действительно, на московских фабриках были отдельные (большевистские и меньшевистские) социал-демократические группы, но единого общегородского центра не существовало. 13—14 февраля по случаю открытия очередной сессии Государственной думы московские рабочие провели ряд митингов и забастовок под лозунгом «Долой монархию!», однако трудно было себе представить, что дежурное требование социал-демократов осуществится спустя две недели.

О событиях в Петрограде, начавшихся 23 февраля (8 марта) демонстрацией женщин, в Москве стало известно лишь несколько дней спустя. По распоряжению командующего Московским военным округом генерала И. И. Мрозовского, газетам запрещалось писать о забастовках и шествиях в северной столице, информируя читателя лишь о ходе думских прений. Телефонная же связь с Петроградом на несколько дней была прервана. «Город Петра, — писал очевидец тех дней в Москве, — задрожал под гулом мощных ударов, и весть об этом прилетела в потрясенную Москву 27 февраля (12 марта). Глухо заволновалась Москва... Уже всем известно, что революция катится по линии Николаевской железной дороги, что к утру она должна добраться до Москвы»³⁰.

Ввиду надвигающихся событий вечером в здании Московской городской думы на Воскресенской площади возникла первая общемосковская революционная организация — Временный революционный комитет рабочих и других демократических организаций во главе с меньшевиком А. М. Никитиным, ядро которого составили социал-демократы и эсеры при участии либеральной общественности (гласные Городской думы, деятели Земского и Городского союзов). Городской голова М. В. Челноков попытался выдворить самочинно возникшую организацию из здания Думы, но произошедшие вскоре события показали, что прежним учреждениям приходится мириться с появлением новых властных органов, олицетворявших революционную стихию.

Утром 28 февраля (13 марта) к зданию муниципалитета подошли толпы москвичей, главным образом рабочих, и опиравшийся на их поддержку революционный комитет объявил себя «организатором движения за освобождение России для передачи власти народу», призвав выбирать по примеру 1905 г. депутатов в Совет рабочих депутатов. Выборы в него начались в тот же день, а уже на следующий, 1(14) марта, состоялось первое заседание Моссовета. Председателем его был избран упоминавшийся А. М. Никитин, в составе депутатов преобладали меньшевики и эсеры, у большевиков же был всего 51 депутатский мандат из 626, что объективно отражало расстановку политических сил в городе в дни революции.

28 февраля (13 марта) стало первым днем революции в Москве. «Революция в этот день уже вышла на улицу. Вышла еще слабая, еще не чувствующая себя господином положения, еще не верившая в свои силы»³¹. В городе началась всеобщая забастовка, прошли многочисленные демонстрации. Центром притяжения стала Городская дума — ни генерал-губернатор, ни градоначальник, верные слуги царского режима, не могли олицетворять новую власть. Городское же самоуправление олицетворяло преемственность и в то же время было способно так же, как Государственная дума в Петрограде, перенять властные функции у старого режима.

По составу гласных, избранных в конце 1916 г., Московская дума была кадетской. Представители этой партии получили 149 из 160 депутатских мест (результаты выборов, правда, не были утверждены верховной властью). Поэтому при получении будоражащих известий об уличных выступлениях в Петрограде в Думе собрались гласные как прежнего, так и нового состава. Ими при участии представителей Земского и Городского союзов, организаций промышленников и рабочих, кооперативов и др. 1 (14) марта 1917 г. под председательством Н. М. Кишкина был образован Комитет общественных организаций, который призван был стать полновластным местным органом. В него вошли представители трех основных групп населения столицы — ценовой, наиболее обеспеченной, демократической (кооперативные организации) и рабочей. В задачу Комитета входило «объединить всю власть над городом Москвой в руках Временного исполнительного комитета общественных организаций, который должен явиться представителем Временного правительства и руководителем всей организационной и исполнительной работы в Москве»³². Так в Москве оформилось двоевластие в лице Совета рабочих депутатов и Комитета общественных организаций. Конфронтации между ними удалось избежать благодаря тому, что эсеровский и меньшевистский Совет признал Комитет органом власти и послал туда 20 своих представителей.

Даже наиболее радикально настроенные в революционном лагере большевики признавали, что обойтись одним Советом без содействия городского самоуправления они объективно были бы не в состоянии. «Те товарищи, — писал позднее один из лидеров московских большевиков — П. Г. Смидович, — которые были тогда в этом хаосе событий, знают, что революция разразилась внезапно, что в февральско-мартовские дни 1917 г. наши организации не были подготовлены к тому, чтобы взять власть в свои руки»³³. Компромисс с либеральной общественностью способствовал скорейшей победе революции, в которой все политические силы в едином строю выступили против самодержавия. В отличие от 1905 г. на стороне официальной власти не оказалось социальных сил, способных повлиять на развитие событий в благоприятном для правительства смысле, подобно тому, как сделали это в первой революции черносотенные организации. Теперь же революционно-демократическое направление решительно возобладало в среде москвичей, и режим царской власти был обречен.

Прежняя администрация ничего не могла противопоставить стихийному напору улицы. 28 февраля (13 марта) толпы демонстрантов с окраин города направились к центру, к Городской думе. На пути следования колонн, в том числе на Большом Каменном мосту, у Александровского сада, были поставлены заслоны

из казаков, регулярных войск и конной жандармерии, но применять оружие в массовом порядке они не решались, и толпа сметала преграды. В полдень на центральных площадях, от Манежной до Театральной, переливалось сплошное море голов и красных флагов. С балкона здания Городской думы зачитывались последние телеграммы из Петрограда, нескончаемым потоком лились революционные речи представителей Временного революционного комитета и Комитета общественных организаций. Вместе с рабочими на площадь вышли студенты с красными бантами и ленточками в петлицах, гимназисты, городская интеллигенция³⁴. Движение все больше увлекало солдатскую массу — во второй половине дня 28 февраля (13 марта) с Воскресенской площади толпа направилась «снимать» солдат в Спасских казармах, в районе Сухаревской площади. На сторону революции переходили офицеры — и в этом был успех революционной агитации в солдатской массе. У Спасских казарм, вспоминал участник событий, «солдаты жались друг к другу, не зная, что им делать... В результате долгой агитации удалось собрать часть из них, с винтовками и без винтовок, но идти они не хотели... Откуда-то появился офицер, скомандовал построиться и под своей командой повел с нами»³⁵.

К вечеру 28 февраля (13 марта) на Воскресенской площади появились первые воинские части, перешедшие на сторону новой власти. Остановить их было невозможно. Верные правительству войска, размещенные в Кремле и Манеже, бездействовали. К вечеру того же дня генерал Мрозовский, не получавший никаких инструкций о дальнейших действиях, телеграфировал в Петроград: «Считаю необходимым немедленное правительственное сообщение о петроградских событиях... Дальнейшее у молчание грозит эксцессами». Призывы его остались, однако, без ответа — петроградский правительственный кабинет находился уже в параличе, и реальная власть перешла к Государственной думе, избравшей из своего состава Временный комитет под председательством М. В. Родзянко.

1(14) марта Мрозовский объявил Москву на осадном положении с запрещением «всякого рода сходбищ, собраний и уличных демонстраций». Впрочем, с этим последним распоряжением старой администрации уже никто не считался. На слуху у москвичей были последние известия из Петрограда — Дума отказалась подчиниться царскому указу о роспуске, войска стали на ее сторону. По приказу Мрозовского к центру города были двинуты воинские команды, но по почину офицеров они переходили на сторону революции. Более 40 тыс. солдат, практически весь Московский гарнизон, смяв городских, подтянулся к Воскресенской площади, заявив о поддержке Городской думы. Командующим революционными частями по решению Комитета общественных организаций был назначен полковник А. Е. Грузинов, бывший руководитель Московской губернской земской управы, хорошо известный в либеральных общественных кругах. Ему удалось без вооруженных столкновений побудить к сдаче войска в Кремле и Манеже, после чего победа революции в Москве *была* обеспечена. К вечеру 1(14) марта пришла телеграмма из Петрограда от Родзянко с подтверждением состоявшегося переворота: «Старого правительства не существует. Министр внутренних дел арестован. Власть временно принята Комитетом Государственной думы под моим председательством... Предложил Мрозовскому подчиниться, возложив всю ответственность за возможное кровопролитие на его голову»³⁶.

Вечером же на Николаевском вокзале был арестован московский градоначальник В. Н. Шебеко и сам Мрозовский был задержан на своей квартире. В ночь на 2 (15) марта городской голова М. А. Челноков телеграфной депешей из Петрограда был назначен комиссаром Государственной думы по г. Москве. К утру 1 (14) марта все было кончено: революция в Москве полностью победила, причем почти без жертв. У Яузского моста помощником пристава был застрелен рабочий Астахов (после чего разъяренная толпа сбросила полицейского в Яузу), а также в ходе перестрелки у Большого Каменного моста погибли трое молодых солдат из автомобильной роты.

Обстановку первого утра свободы на улицах Москвы выразительно передал очевидец событий: «Утро после нервной, напряженной ночи, радостное утро революции».

Революции победившей, революции бескровной. Улицы полны толпами народа, все пьяны революционным хмелем, все пьяны свободой. Группы вооруженных рабочих и студентов конвоируют полицию и жандармов в Думу. Все и вся тянется к Думе, где собрались вновь возникшие организации, где центр управления Москвой и центр связи с Петроградом. У прохожих красные розетки в петлицах; пьяные от счастья, радостные и довольные лица. Все так счастливы, что никто не помнит о войне. К чему она, когда свергнуто ярмо рабства?.. В Думе на лестницах лежат усталые солдаты. Грязь на ступенях, махорка ест глаза, коридоры полны народом. Ошалевшие от усталости студенты, рабочие, журналисты, врачи, юнкера, земские и городские деятели, адвокаты — все, кто охвачен лихорадкой свободы, все казались братьями»³⁷. Партийно-политические разногласия проявились позднее, а пока на улицах города проходил подлинный революционный карнавал.

Из тюрем на волю выпускались заключенные, главным образом политические (среди них покинул Бутырки будущий создатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский), но под шумок сбежало и немало уголовников. 2 (15) марта по решению Комитета общественных организаций бывшая полиция была упразднена и заменена народной милицией, которая, не имея никакого опыта, не могла сразу справиться с охраной общественного порядка. 3(16) марта был совершен поджог здания Московского охранного отделения в Гнезниковском переулке, и в огне пожара погибло множество документов о полицейских провокаторах, которые, надо полагать, и совершили этот акт под флагом мести «проклятой полиции». Тогда же покончил с собой один из известнейших руководителей московской «охранки», создатель системы «полицейского социализма» С. В. Зубатов, не выдержавший крушения старого мира.

С восторгом была воспринята в Москве весть об отречении Николая II от престола и переходе всей власти в руки Временного правительства. Первопрестольная столица была польщена тем, что в состав первого его кабинета оказались включены несколько видных москвичей — председатель Всероссийского земского союза князь Г. Е. Львов, возглавивший правительство, лидер октябристской партии А. И. Гучков, ставший военным министром, бывший профессор Московского университета А. А. Мануйлов, фабрикант и либеральный политик А. И. Коновалов, обер-прокурор Святейшего Синода, выпускник Московского университета В. Н. Львов. «В разной степени, но все они, — писали в прессе, — выразители московской идеи. Земское, церковное, экономическое и научное строительство и созидание основ новой и достойной жизни — разве не в Москве в творческих муках рождались они, и разве не в Москве состоялось это собрание народного духа и народной энергии? Да, это наше торжество, торжество москвичей»³⁸. Среди московских либералов крепло убеждение, что именно первопрестольной суждено сыграть решающую роль в новой России, что после связанного с романовской династией петербургского периода русской истории начинается новый — московский.

«Дни свободы» завершились военным парадом 4 (17) марта на Красной площади и похоронами жертв уличных столкновений. Смотров войск Московского гарнизона командовал А. Е. Грузинов, площадь была забита воинскими частями и пришедшими на парад москвичами. Центральным пунктом торжеств стал памятник Минину и Пожарскому, который стоял тогда посредине площади у здания Верхних торговых рядов. Красная площадь предстала действительно красной из-за обилия алых знамен, лент, бантов на мундирах военных и одеждах штатских лиц. Даже в протянутой руке князя Пожарского оказался красный флаг с надписью: «Утро свободы сияет светлым днем». Из Спасских ворот Кремля в торжественном облачении, с хоругвями и иконами проследовала процессия московского духовенства, сопровождаемая хором синодальных певчих. После торжественного богослужения, в конце которого по традиции всегда исполнялся гимн «Боже, царя храни», военный оркестр впервые сыграл «Коль славен... «Полковник Грузинов произнес речь с призывом ввести жизнь в привычную колею, с аэроплана

ему был сброшен букет тюльпанов с лентой — «Гражданину командующему». Церемониальным маршем прошли части Московского гарнизона. На зеленом знамени бригады ополченцев в надписи «За веру, царя и Отечество» слово «царя» было зашито широкой красной полосой — яркий символ тех переломных для вековой истории России дней³⁹.

Похороны погибших в революционные дни трех солдат — И. Самсонова, В. Мезикова и А. Урсо — превратились в грандиозную демонстрацию, которую современники могли сравнить только с похоронами Н. Э. Баумана в 1905 г. В траурной процессии участвовало более 70 тыс. москвичей; погибших с воинскими почестями похоронили на Братском кладбище, где покоились павшие в мировой войне. Церемония носила политический характер, над траурными колоннами были подняты транспаранты с требованием скорейшего созыва Учредительного собрания и провозглашения России демократической республикой. Эйфория всеобщего братания, «праздника революции», как называли его современники, все более уступала место социальной конфронтации. В тот же день, 4(17) марта, когда на Красной площади проходили торжества по поводу победы народа, был образован Совет солдатских депутатов, появившийся на свет по инициативе самих солдат и вопреки требованиям военного командования. Ориентируясь на Совет рабочих депутатов, он противопоставлял солдат офицерам, воспринимаемым первыми как «классово чуждые элементы». Попытка офицеров найти компромисс с солдатской массой, создать объединенную армейскую организацию не удалась. Тем самым положено было основание гибельному для армии противостоянию «нижних чинов» и офицерства.

Непрочен был и союз, заключенный между Советом рабочих депутатов и Комитетом общественных организаций. 4(17) марта деятели Совета отправили в адрес Временного правительства следующую телеграмму: «Московский Совет рабочих депутатов приветствует Временное правительство и обещает ему поддержку рабочего класса, поскольку оно честно и немедленно приступит к созыву Учредительного собрания»⁴⁰. Через месяц большевики устами В. И. Ленина призывают не оказывать «никакой поддержки» кабинету Г. Е. Львова. Однако ростки такой политики явились уже в первые дни после свержения монархии. Пренебрежение к закону и склонность к насильственным действиям пронизывали деятельность вновь образованных леворадикальных органов власти.

Вскоре после того, как Моссовет занял дом генерал-губернатора на Скобелевской площади, новой администрации понадобились новые помещения. «Как бывает всегда, — вспоминал один из организаторов народной милиции в Москве, — помимо действовавших старых учреждений и канцелярий революция создала массу новых»⁴¹. Совет постановил реквизировать для своих целей близлежащую гостиницу «Дрезден», а жильцов выселить с помощью милиции. Недовольные обитатели «Дрездена» подали в суд, который приостановил незаконное выселение. Однако лидеры Совета решение суда проигнорировали, открыв эпоху насильственного переселения москвичей по усмотрению администрации.

2 (15) марта 1917 г. Грузинов обратился с воззванием к населению Москвы: «Дело сделано. Переворот совершен. Долг каждого вернуться к своей работе». С 6(19) марта вновь заработали фабрики и заводы, несмотря на противодействие большевиков, призывавших к продолжению забастовки для давления на новую власть. Тем не менее в обращении Совета рабочих депутатов по поводу прекращения стачки недвусмысленно давалось понять, что революция еще не закончена: «Пробьет час, и Совет рабочих депутатов при первой же угрозе народному самодержавию с чьей бы то ни было стороны вновь призовет вас к всеобщей политической забастовке. Помните, товарищи, что сейчас не время покоя, а время упорного труда по сплочению рабочего класса»⁴².

Через несколько дней класс этот воочию продемонстрировал, что на политическую арену вышла социальная сила, с которой петроградские министры Временного правительства должны считаться. 12 (25) марта в Москве состоялась грандиозная демонстрация в поддержку требования Совета о созыве Учредительного

собрания и установления демократической республики. Около полумиллиона москвичей, главным образом рабочих и солдат без оружия, стеклись с окраин города на Театральную площадь, требуя помимо основных лозунгов и 8-часового рабочего дня. В общих колоннах шли и офицеры во главе с самим Грузиновым, и студенты, распевавшие «Марсельезу» и другие революционные песни. По решению солдатских комитетов, во время демонстрации не было прямых лозунгов «Долой войну»!, неуместных в стране, находившейся в состоянии войны. Зато в толпе звучали аналогичные по сути требования демократического мира⁴³.

Демонстрация 12 (25) марта знаменовала окончание «праздника революции», за которым последовали суровые будни 1917 г., расколовшие российское общество и поставившие под сомнение демократические завоевания Февраля. «В те дни, — писал один из большевистских деятелей Моссовета, — все находилось в состоянии некоего революционного угара, всеобщего ликования. Классовые противоречия еще не успели обнажиться. «Клятвой времени» для социалистов были лозунги: «Учредительное собрание, демократическая республика»⁴⁴. Однако уже и тогда, еще до Апрельских тезисов Ленина, все явственней обозначался основной конфликт демократической России — неимущих с имущими, рабочих с работодателями.

От демонстрации силы Моссовет перешел к открытому наступлению, издав 18 (31) марта постановление о явочном введении 8-часового рабочего дня, что являлось непозволительной роскошью для ослабленной войной экономики страны. Один за одним на предприятиях стали возникать фабрично-заводские комитеты, стремившиеся взять в свои руки нити управления производством. С другой стороны, нескончаемой чередой тянулись митинги и собрания, отвлекавшие рабочих от их занятий. Только за март 1917 г. агитационно-пропагандистский отдел Моссовета провел 528 митингов в закрытых помещениях (не считая бесчисленных уличных), в которых участвовало 180 тыс. человек⁴⁵.

Под воздействием социалистических ораторов пролетарская масса все более радикализировалась, готовясь от требования уступок перейти к открытой борьбе за власть. С окончанием «дней свободы» Москва 1917 г. вступала в новый период своей истории, закончившийся установлением большевистской диктатуры.

Примечания

¹ См.: Новый мир. 1991. № 5. С. 195.

² См.: Шацилло К. Ф. 1905 год. М., 1980. С. 7—9.

³ Полное собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXV. Отд. 1. СПб., 1908. № 26803.

⁴ Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России: Воспоминания современника. Кн. III. Париж, 1936. С. 406.

⁵ См.: Политические партии в России в период революции 1905—1907 гг.: Количественный анализ. М.: 1987. С. 35, 74, 122, 160, 221.

⁶ Цит. по: 1905-й год в Москве. М., 1955. С. 133.

⁷ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. М., 1955. С. 25—26.

⁸ Москва в декабре 1905 года. М., 1906. С. 142.

⁹ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 581.

¹⁰ Горький М. Собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 399.

¹¹ Рабочий класс в Первой российской революции 1905—1907 гг. С. 204.

¹² Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 666.

¹³ Там же. С. 678.

¹⁴ Там же. С. 676—677.

¹⁵ Там же. С. 665—666.

¹⁶ Горький М. Собр. соч. Т. 28. С. 399—401.

¹⁷ Цит. по: Шацилло К. Ф. Указ. соч. С. 155.

¹⁸ Москва в декабре 1905 года. С. 202.

¹⁹ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 720.

²⁰ Там же. С. 703.

²¹ См.: Лескова Л. И., Коган Э. С. Дежурные дневники московского градоначальства 25 сентября 1905 г. — 12 января 1906 г. // Материалы по истории революции 1905—1907 гг. М., 1967. С. 135.

²² Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 733.

²³ Москва в декабре 1905 года. С. 189—190.

- ²⁴ Высший подъем революции 1905—1907 гг. Ч. 1. С. 712.
- ²⁵ 1905-й год в Москве. С. 213.
- ²⁶ ЦИАМ, ф. 16, оп. 139, д. 174, т. 10, л. 52—55.
- ²⁷ Москва в декабре 1905 года. С. 246.
- ²⁸ Утро России. 1917. 3 марта.
- ²⁹ Цит. по: Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 9—10.
- ³⁰ Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. М., 1926. С. 1.
- ³¹ Там же. С. 2.
- ³² Цит. по: Грунт А. Я. Москва. 1917-й. Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 52.
- ³³ Цит. по: Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 39.
- ³⁴ См.: 1917-й год в Москве. М., 1957. С. 34.
- ³⁵ Горшков И. В. Мои воспоминания о Февральской и Октябрьской революции 1917 года в Рогожско-Симоновском районе. М., 1924. С. 5.
- ³⁶ Известия Московской городской думы. 1917. Март—апрель. М., 1917. С. 32—33.
- ³⁷ Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. С. 10—11.
- ³⁸ Утро России. 1917. 3 марта.
- ³⁹ См.: Русское слово. 1917. 5 марта.
- ⁴⁰ Цит. по: Бурджалов Э. Н. Указ. соч. С. 65.
- ⁴¹ Вознесенский А. Н. Москва в 1917 году. С. 41.
- ⁴² Известия Совета рабочих депутатов. 1917. 8 марта.
- ⁴³ Утро России. 1917. 14 марта.
- ⁴⁴ Ангарский Н. Московский Совет в двух революциях. М.; Л., 1928. С. 14.
- ⁴⁵ См.: Грунт А. Я. Указ. соч. С. 113.